

Научная статья
УДК 355.48:316.7
doi: 10.17223/2312461X/43/14

Память и политика. Кавказская война в мемориальном пространстве Чечни

Валентина Александровна Танайлова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, valya00763@gmail.com

Аннотация. Анализируются причины периферийности памяти о Кавказской войне в мемориальном пространстве Чечни (РФ). Автор представляет общую картину памяти в этой республике и задается вопросом о том, почему она имеет здесь именно такую форму и занимает именно такое место. Анализ имеющихся материалов позволил прийти к выводу о том, что ответом на поставленные вопросы являются особенности существования республики как субъекта Российской Федерации и сложная история взаимодействия чеченского народа с Российским государством. Работа основана на нескольких полевых исследованиях автора, во время которых было собрано более шестидесяти интервью, в том числе с акторами памяти в Чечне, и полевых наблюдениях. Важным источником также стал анализ СМИ, социальных сетей и выступлений чеченских политиков.

Ключевые слова: память о Кавказской войне, героизация, виктимизация, национальные чеченские герои, политика памяти в Чечне

Благодарности: публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Танайлова В.А. Память и политика. Кавказская война в мемориальном пространстве Чечни // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 229–250. doi: 10.17223/2312461X/43/14

Original article
doi: 10.17223/2312461X/43/14

Memory and Politics. The Caucasian War in the Memorial Space of Chechnya

Valentina A. Tanaylova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, valya00763@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the causes of the peripherality of memory of the Caucasian War in the memorial space of Chechnya (RF). The author presents a general picture of memory in this republic and wonders why it has such a form here and occupies such a place. The analysis of the available materials allowed us

to conclude that the answer to the questions posed is the peculiarities of the existence of the republic as a subject of the Russian Federation and the complex history of interaction between the Chechen people and the Russian state. The work is based on several field studies by the author, during which more than sixty interviews were collected, including with memory actors in Chechnya, and field observations. An important source also was the analysis of the media, social networks and speeches of Chechen politicians.

Keywords: memory of the Caucasian war, heroization, victimization, national Chechen heroes, politics of memory in Chechnya

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Tanaylova, V.A. (2024) Memory and Politics. The Caucasian War in the Memorial Space of Chechnya. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 229–250 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/14

На Северном Кавказе трудно найти общество, важным периодом истории которого не был бы период Кавказской войны. Однако в памяти этих обществ Кавказская война занимает разное место и принимает различные формы. Где-то эта память регулярно актуализируется, а где-то находится на периферии мемориального пространства. Чеченское общество скорее относится ко второму варианту. И на первый взгляд, это может показаться удивительным. Многие, в том числе ключевые, события Кавказской войны происходили именно в Чечне, и в них активно участвовали чеченские политические и военные деятели. В этой работе я постараюсь представить общую картину памяти о Кавказской войне в Чечне и объяснить, почему она имеет именно такую форму и занимает именно такое место.

Работа основана на нескольких полевых исследованиях¹, во время которых было собрано более шестидесяти интервью, в том числе с акторами памяти в Чечне. Важным источником также стали полевые наблюдения, анализ СМИ, социальных сетей и выступлений чеченских политиков.

Кавказская война в Чечне

В середине XVIII в. политические образования Чечни в своей внешней политике ориентировались в первую очередь на взаимодействие с Российским государством. Однако начиная с 1757 г. отношения с Россией обостряются, и к концу XVIII в. Чечня превращается в главный оплот противостояния продвижению Российской империи на Северном Кавказе. С 1785 г. чеченцы начинают консолидироваться вокруг Шейха Мансура, которого собрание улемов провозглашает первым чеченским имамом. В 1786 г. Мансур предпринимает первые попытки по созданию

государственного образования. Вплоть до 1791 г. Мансур, возглавляя отряды из чеченцев, черкесов, ногайцев, ведет вооруженную борьбу с Российской империей.

Несмотря на периодические попытки наладить как-то мирное взаимодействие с Россией, Чечня продолжает оставаться основной силой, противодействующей ей на Кавказе. В 1816 г. фактическим наместником на Северном Кавказе становится генерал А.П. Ермолов. Двумя годами позднее он начинает реализацию ранее представленной Александру I программы военно-экономической блокады Северо-Восточного Кавказа. Ермолов ставит перед собой в качестве цели «не одну необходимость оградить себя от нападений и хищничеств», но и захват выгодных в военно-стратегическом отношении пунктов для будущих наступательных действий (Блиев, Дегоев 1994). После очередного столкновения с чеченцами на Кавказской линии Ермолов обращается к старейшинам Чечни: «Вот мой ответ: пленных и беглых солдат немедля отдать. Дать аманатов из лучших фамилий и поручиться, что когда придут назад ушедшие в горы, то от них взяты будут русские и возвращены. В посредниках нет нужды. Довольно одному мне знать, что я имею дело с злодеями. Пленные и беглые или лишение ужасное». Лично прибыв на берег Сунжи, генерал закладывает крепость Грозную, и это окончательно проясняет для чеченского населения планы российского командования.

С 1818 г. началось наступление Российской империи на Чечню по всем направлениям: на ее территории строятся крепости, составляющие новую укрепленную линию, начинается выселение чеченцев с равнинных земель в горы и заселение освободившихся земель казаками и другими переселенцами, установление российской административной и судебной власти. Малейшее неповиновение чеченцев властям жестоко подавляется военной силой (Блиев, Дегоев 1994). Новый курс власти, исполнителем которого стал генерал Ермолов, сделал окончательно невозможным мирный путь развития отношений между Чечней и Россией.

Жесткая политика Империи в Чечне и на Северном Кавказе в целом приводит к не менее жесткому сопротивлению со стороны горцев. Горцы захватывают российские укрепления и крепости, а имперские войска уничтожают десятки чеченских аулов. Союзные дагестанские и чеченские войска в 1830 г. захватывают и сжигают Кизляр, создают реальную угрозу Владикавказу и крепости Грозной. Получив усиление, российская армия переходит в наступление. Генерал Г.В. Розен сжигает около 60 равнинных чеченских аулов. В 1836 г. генерал К.К. Фези еще раз разоряет равнинную Чечню, население которой вынуждено бежать в леса и горы. В 1840 г. генерал А.В. Галафеев вступает в известное сражение с чеченцами на реке Валерик. В том же году российские войска выдвигаются в глубь Ичкерии с целью захвата аула Дарго. Несколько дней тяже-

лых боев с горцами на пути к Дарго заставили российские отряды прекратить наступление. В начале 1859 г. имперские войска осадили чеченский аул Ведено, который на тот момент был столицей Имамата, весной того же года аул был взят. Много лет Чечня в составе Имамата под предводительством Шамиля вела бои с Российской империей. На протяжении этих лет горцы держали оборону и переходили в успешное наступление. Но все это давалось большой ценой. Чеченцы теряли аулы, плодородные земли и самое главное – людей. К 1860 г. численность чеченцев сократилась с 250 тысяч до 130–150 тысяч человек (Чеченцы 2023: 72). В 1864 г. Кавказская война была официально закончена. Однако не закончилось на этом чеченское сопротивление. На территории Чечни продолжали вспыхивать беспорядки. В 1865 г. восстание поднял Тазу Экмирзаев, а одним из самых крупных стал бунт 1877 г. под предводительством Алибека Алданова. При таком обилии исторических событий, происходивших в Чечне во время Кавказской войны, память о ней сфокусирована вокруг нескольких персонажей и очень ограниченного количества событий.

Память о Кавказской войне: виктимизация и героизация

Для многих северокавказских обществ память о Кавказской войне является травматической, в разных случаях обретающей или не обретающей статус культурной травмы. Говоря о травме, следует учесть два подхода к пониманию этого феномена:

1) подход, основанный на психоаналитической традиции, берущей свое начало в исследованиях З. Фрейда. Следующие этому подходу исследователи обращаются к понятиям индивидуальной и коллективной травмы, которая суть объединение многих индивидуальных травм. В его рамках работают Ш. Фелман, К. Карут, Д. Лауб, благодаря которым в начале 1990-х гг. появился термин «историческая травма», позволивший включить само понятие травмы в поле социокультурной и исторической реальности (Мороз, Суверина 2014);

2) понимание травмы, основанное на конструктивистском подходе, в большей степени обращается к понятиям культурной и избранной травмы. В рамках этого подхода особое значение обрели работы Дж. Александера, В. Волкана, Д. Бар-Тала. Поскольку память о событиях, которые произошли несколько поколений назад, представляет собой много раз трансформированный конструкт, именно этот подход оказывается наиболее продуктивным при обращении к памяти о Кавказской войне как к травматической.

В целом, под травмой можно понимать коллективную память о событии, которое нанесло ущерб сообществу и поставило его на грань выживания, тем самым способствуя обретению статуса жертвы (Bar-Tal, Oren,

Nets-Zehngut 2014). Коллективная виктимность может быть принята не только непосредственно пострадавшими, но и последующими поколениями, если событие приобретает травматическое значение для нескольких поколений группы (Alexander et al. 2004; Volkan 2001). Иными словами, коллективная травма – это репрезентация события, которое постоянно реконструируется в коллективной памяти группы и которому постоянно приписываются особые смыслы (Hirschberger 2018). Причем это конструирование смысла происходит в культурном и политическом контексте настоящего времени (Assmann, Clift 2016). Преодоление коллективной виктимности предполагает признание международным сообществом вины преступника и статуса жертвы, что способствует формированию внутrigруппового чувства справедливости и безопасности. В противоположном случае память о (безнаказанном, непризнанном) преступнике сохраняется в поколениях как травматическая; в этом нарративе постоянной и часто избранной травмы (Volkan 2001) пострадавшая группа должна сохранять бдительность в отношении преступника или даже мстить, чтобы предотвратить повторение события в будущем (Druey, Shogenov, Tanaylova 2024).

Согласно предложенной В. Волканом концепции избранной травмы (chosen trauma), травмированное сообщество может иметь особый менталитет, при котором в основе идентичности лежит память о трагедии: некое событие заставляет большую группу людей почувствовать себя беспомощной жертвой другой группы, испытать унижение от обиды или причиненного вреда. Травмированная таким образом группа избирает путь психологизации и мифологизации «рокового» для нее события. Она как бы встраивает его образ в самую основу своей идентичности, и сопутствовавшие ему чувства боли и позора передаются от поколения к поколению в качестве маркера этнической идентичности. И с того момента, как реальная травма трансформировалась в «избранную травму», подлинные исторические факты перестают играть какую-либо роль. Сохраняет значение лишь их психологическое преломление в качестве центрального стержня чувства этнической общности (Волкан, Оболонский 1992: 41). Схожие идеи развивает и Дж. Александер. Таким образом, «избранные травмы» часто выступают в качестве нарративов, поддерживающих конфликты, поскольку они существенно препятствуют примирению и нормализации отношений между враждующими группами. В.А. Шнирельман называет такую память «травматической памятью постколониального типа» и также утверждает, что она придает напряженность межэтническим взаимоотношениям в регионе и осложняет взаимодействие с федеральным центром (2021). Что касается виктимизации на Северном Кавказе, то она связана по большей части с двумя сюжетами: Кавказская война и депортация таких народов, как чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы. Кроме того, для чеченского народа

чрезвычайно травматичными оказываются недавние события, связанные с двумя войнами в Чечне.

Правительство Чечни давно и довольно успешно осуществляет такую политику памяти, в рамках которой память о Кавказской войне движется от виктимизации к героизации. Это связано в том числе и с демонстрацией лояльности местной власти по отношению к власти федеральной. Память о Кавказской войне трудно инструментализировать, она ни в какой мере не соответствует текущим установкам на всеобщее единение и согласие. Но и предать эту память забвению тоже невозможно, она оказывается слишком значимой на локальном и даже региональном уровне. Компромиссным решением является замалчивание исторических событий на общегосударственном уровне. Между тем на уровне отдельных кавказских обществ политика памяти в отношении Кавказской войны может быть разной. В Чечне она принимает довольно интересную форму. Власти очень активно вводят в публичное, культурное и коммеморативное пространство образы национальных чеченских героев, которые сыграли большую роль в сопротивлении Российской империи. Однако при этом в фокусе оказываются личные качества и героизм этих исторических персонажей. Они как бы изымаются из исторического контекста. В публичном поле находится обсуждение того, что чеченские исторические деятели проявили себя как стойкие и отважные бойцы, но с кем они боролись и почему, не говорится.

Политика памяти в Чечне

Память и политика не просто связаны между собой, память буквально задает рамки внешней и внутренней политики и влияет на нее. Коллективная или личная память может служить источником исторической аналогии и моделью принятия политического решения (Muller 2002). Важным проявлением взаимосвязи памяти и власти является легитимация. Память используется политиками для обоснования своего права на власть, для объяснения своих политических решений и действий. Выявление исторических аналогий дает политикам возможность использовать их в качестве моделей, позволяющих анализировать и моделировать текущие ситуации. Легитимность власти, полученная благодаря историческому обоснованию, не всегда оказывается связанной с традиционной преемственностью. Объясняющая текущий политический порядок отсылка к прошлому может опираться также и на идею разрыва, радикального отказа от того, что было. Говоря о «власти памяти», А. Васильев утверждает, что она «носит структурный характер... определяет, что именно должно быть помещено в политическую повестку дня, в каких

терминах политический опыт должен быть оформлен и т.д. Таким образом, память оказывается ключевым элементом политической культуры» (Васильев 2012).

Связь политики и памяти не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Политическая деятельность не просто осуществляется с использованием памяти как ресурса, но и сама находится под ее влиянием. Память и политические интересы существуют в отношениях взаимозависимости и равно формируются в борьбе за определение настоящего и будущего группы. «Политические акторы реагируют на сдвиги в системе баланса власти и эволюцию международных институтов теми способами, которые определены политической культурой и в частности памятью, но и сами стремятся оказывать влияние на процессы мемориализации и забвения» (Muller 2002).

Исходя из этого, следует говорить о политике памяти, которая может реализовываться как правительствами на разных уровнях (от федерального до локальных), так и другими акторами памяти, претендующими на сколько-нибудь значимое влияние в этом поле. Н. Копосов выводит определение политики памяти из понимания того, чем является сама память на сегодняшний день. Отталкиваясь от утверждения П. Нора о том, что «о памяти столько говорят потому, что ее больше нет» (Нора и др. 1999: 17), Копосов замечает, что «тем не менее она повсюду – искусственная, сконструированная при живом участии историков, но неподвластная науке. Продукт политических манипуляций, государственных ритуалов и культов, транслируемый в общественное сознание через систему образования, литературу, искусство, прессу. Современные массовые представления об истории рядятся в одежды естественной памяти, но являются созданием профессиональных агентов исторической политики» (Копосов 2011: 47). При этом политику памяти Копосов рассматривает как довольно узкое и специфическое явление, сосредоточиваясь во многом на законодательной области. В любом другом случае я бы предложила рассматривать политику памяти как более широкую область деятельности, в которой принимают участие различные акторы, формирующие политическую и общественную среду. Однако в случае с Чечней я соглашусь с этим более узким определением Копосова. В силу определенной системы власти в Чечне и ее характера (об этом будет сказано ниже) политика памяти в республике почти всегда реализуется самим правительством.

С наибольшей очевидностью особенности политики памяти в Чеченской Республике проявляются в выступлениях политиков, в выборе памятников, открываемых по инициативе или как минимум при одобрении республиканского правительства, в названиях, которые присваиваются улицам и городским объектам, в образовательных программах по истории.

Эдкинс пишет (Edkins 2003), что события и личности, формирующие коллективную память, всегда являются предметом борьбы и споров о том, как и какая память о них должна быть сохранена. При этом Эдкинс говорит о двух формах выражения политики памяти и взаимосвязи между ними. Во-первых, это может быть политика памяти, реализуемая через строительство или реконструкцию памятников; во-вторых, это может быть форма определенной коммеморативной деятельности. Обе формы могут быть рассмотрены как способы формирования цельного нарратива (Mitchell 2003). Мемориалы и памятники никогда не бывают нейтральными и представляют определенную власть (Edkins, 2003), при этом именно коммеморативная деятельность и соответствующие дискурсы наполняют их смыслом (Шуясов. Рукопись). Примером трансформации этих смыслов при фактическом сохранении одного и того же места памяти оказывается мемориал Дади-Юрт, расположенный в Гудермесском районе Чечни. Он был открыт в 2013 г. ко Дню чеченской женщины. Мемориал посвящен памяти жителей аула Дади-Юрт, погибших в 1819 г. Рамзан Кадыров опубликовал пост, приуроченный к открытию мемориала: «Этот населенный пункт был полностью сожжен по приказу Ермолова. Все жители, включая женщин, стариков, детей, погибли. Девушки Дадин Айбика, Амаран Зазу и их подруги вдохновляли песнями защитников села, а оказавшись в плену, со связанными руками бросились в бурные воды Терека. Они предпочли смерть бесчестию». Это история известна почти каждому чеченцу и, кроме всего прочего, в ней говорится также и о том, что чеченки не просто бросились в Терек, они утопили и своих конвоиров, солдат генерала Алексея Ермолова. Однако в своих социальных сетях Кадыров призвал к избеганию воинственности: «Необходимо вырастить тех, кто способен думать об Отечестве, о сохранении мира и стабильности и имеет мудрость предотвращать конфликты. Об этом мы помним и сделаем все, чтобы нового повода ставить памятники на месте трагедий больше у нас не было!» (Коц 2013).

Пример мемориала Дади-Юрт довольно наглядно демонстрирует риторику чеченских властей о Кавказской войне и стремление двигаться от виктимизации к героизации памяти о том периоде. Когда корреспондент «Комсомольской правды» начал задавать вопросы, связанные с открытием мемориала, Альви Каримову, который на тот момент был пресс-секретарем главы Чеченской Республики, тот озвучил вариант памяти о событиях в Дади-Юрт, который бытовал среди чеченцев довольно давно и традиционно укладывался в концепцию виктимизации: «А вы хотите, чтобы народ из своей памяти стер те события, которые связаны с массовыми убийствами ни в чем не повинных людей? Это не бой какой-то был, это село окружили, и без предъявления какого-нибудь ультиматума и требований оно было сожжено и все люди погибли. Я вам опять говорю, там никакой памятник не открыли, там мемориал всегда был, и вот

после реконструкции там прошли мероприятия» (Коц 2013). Тенденция героизации памяти о Кавказской войне прослеживается также и в моих интервью:

Когда спрашивают у людей, что первое приходит в голову, то очень многие называют память о сорока шести чеченских женщинах. Вот по поводу этих девушек там стоит мемориал. Чтобы не пленили их, они раскатали мост и в Терек за собой унесли своих конвоиров. Вот Айбика, вот женщина в Кавказской войне, вот эта героиня, которую самому царю показывали, про нее мы тоже проводим музейные уроки, показываем, рассказываем... Она мужественно сражалась. Наши женщины, они как амазонки, наравне с мужчинами воевали, и даже если в семье не было мальчика, одну дочь специально так воспитывали.

Мемориал в Дади-Юрт – это практически единственный широко известный памятник, посвященный конкретным событиям Кавказской войны на территории Чеченской Республики. Все остальные «места памяти» связаны с национальными героями, которые принудительно лишены связи с нарративами о борьбе с российской армией или государством и выведены за пределы дискурса виктимности.

В ноябре 2020 г. в Курчалое открылся детский игровой центр, на стенах которого были изображены герои комиксов Марвел. Однако по указанию Рамзана Кадырова они были заменены на национальных героев Чечни. Таковыми стали Идиг, Шейх Мансур, Бейбулат Таймиев, Байсангур Беноевский и Ахмат Кадыров (Исаева 2020). Трое из пяти одобренных главой республики героев являются чеченскими военными и политическими лидерами в борьбе с российской властью на Северном Кавказе: Шейх Мансур, Бейбулат и Байсангур.

Один из важнейших исторических периодов в коллективной памяти чеченцев связан с личностью шейха Мансура (1785–1795). С его руководства начинается история сопротивления чеченцев российскому военному продвижению на Северном Кавказе и формируется прочная связь между коллективной памятью чеченцев и конфликтом с Россией. Шейх Мансур считается у чеченцев примером для подражания, настоящим героем и патриотом. Часто повторяемая история повествует о том, как он был захвачен в плен во время нападения имперских войск на османскую крепость Анапу в 1791 г. после многолетних боев на чеченской земле. В том же году он был осужден и заключен в Шлиссельбургскую тюрьму за отказ (как утверждает чеченская народная память) признать свою вину (Piyaşov. Рукопись). Однако постепенно фокус памяти о Шейхе Мансуре стал сдвигаться. Перед чеченскими властями встала задача совместить свою пророссийскую политическую позицию с памятью об антироссийской борьбе шейха Мансура. Муфтий Чечни Салах Межиев во время своей поездки в Шлиссельбургскую крепость в 2019 г. утверждал: «В те времена обстоятельства были другими, и чеченцам приходилось бороться за свою независимость и право исповедовать ислам, тогда как

сейчас мы можем свободно исповедовать ислам, и наш лидер – чеченец и мусульманин» (Piyasov. Рукопись). Это обращение говорит о том, что больше нет причин помнить о сопротивлении Шейха Мансура, теперь его можно и нужно помнить просто как символ чеченской силы духа.

Бейбулат Таймиев (1779–1831) – еще одна значительная фигура чеченской памяти о периоде Кавказской войны. Признанный в 1820-х гг. предводителем Чечни, Таймиев воспринимался имперской военной администрацией как реальная угроза на Кавказе (Чеченцы 2023). Коллективная память говорит о том, что он обладал незаурядным политическим чутьем, хорошо понимал характер действий царского режима на Кавказе и умел наладить правильные отношения с властями. Когда царские власти увидели, что авторитет Бейбулата стремительно растет, они сочли необходимым привлечь его на свою сторону. Власти рассматривали Таймиева как представителя, избранного народом.

В течении нескольких лет Бейбулат Таймиев возглавлял многочисленные отряды и постоянно нападал на Кавказскую линию. Однако спустя какое-то время Таймиев изменил свою политику и начал призывать к диалогу с имперскими властями. Он пытался найти компромисс, приемлемый для обеих сторон. Это позволило бы Чечне войти в состав России в качестве автономного субъекта, сохранив при этом свои обычаи, традиции, религию и землю. Таймиеву так и не удалось осуществить свои планы по включению Чечни в состав Российской империи собственными силами. Бейбулат умер в 1831 г., по одной из версий он был убит одним из своих многочисленных кровников. Личность Бейбулата Таймиева только в последние несколько лет заняла свое место в популяризируемом чеченскими властями героическом пантеоне. Он был хорошо известен профессиональным историкам и любителям, но точно не был в центре мемориального чеченского пространства. Однако его ориентированность на ту или иную форму сотрудничества с Российским государством сделала его в глазах современных чеченских политиков хорошим кандидатом на место «достойного примера для подражания».

Байсангур Беноевский (1794–1861) – тот чеченский национальный герой, вокруг которого сосредоточено более всего легенд. О его жизни до 1839 г. известно очень мало. Но считается, что и в этот период он не мог остаться в стороне от борьбы за свободу, в которой члены общества Беной принимали активное участие. Байсангура называют наибом Шамиля и рассказывают о том, что он со своим отрядом из Беноя участвовал во многих сражениях времен Кавказской войны.

В 1845 г. Байсангур потерял руку в бою, но и тогда не перестал быть воином. Бытуют истории о том, что однорукий Байсангур обладал таким мастерством и силой, что мог разрубить врага на две части своей саблей. Через некоторое время после потери руки он потерял в бою глаз. Позже, в одном из сражений пушечным ядром чеченскому наибу оторвало ногу

и Байсангур попал в плен. Новость о том, что наиб Шамиля попал в плен, быстро разнеслась по горам и Шамиль лично организовал побег Байсангура. Во время транспортировки наиба в тюремный госпиталь он был освобожден. По легенде, Байсангура привязывали к лошади, чтобы он не выпадал из седла во время галопа, и, зажав поводья в зубах, он сражался одной рукой. Считается, что после сдачи Шамиля Байсангур вырвался из окружения и уехал в Беной, где скрывался от царских властей до мая 1860 г., тогда же он вместе с лидерами других чеченских обществ начал готовить новое восстание. Однако восстание было подавлено имперскими войсками, а в феврале наиб и его сыновья были схвачены и переданы военному трибуналу. Яркий, полулегендарный образ Байсангура занимает важнейшее место в мемориальном пространстве Чечни. Он выступает главным символом горской силы духа и воли. На что может и должна быть направлена эта воля, остается на усмотрение республиканских властей.

Байсангур, Шейх Мансур, Бейбулат Таймиев и другие герои чеченского сопротивления занимают важное место в чеченском мемориальном пространстве. Так, в 2023 г. был принят закон о переименовании грозненских судов. Новые названия получили четыре суда Грозного, которые находятся в районах, переименованных в честь чеченских героев еще в 2020 г. По словам местных представителей власти, старые названия судов не совпадают с районами, и это создает сложности для граждан, а поэтому наименования следует унифицировать. Ленинский суд стал Ахматовским, Старопромысловский – Висаитовским, Октябрьский – Байсангуровским, а Заводской – Шейх-Мансуровским. Названия городских районов и учреждений, муралы и плакаты, изображения на футболках и чехлах для смартфона – повсеместно в Чечне вы сталкиваетесь с примерно одним набором национальных героев.

Что касается образовательной программы, то последним школьным учебником, который детально излагал события Кавказской войны и рассказывал об участии в ней чеченцев, был учебник «История Чечни (XIX век)» под редакцией Ш.Б. Ахмадова. Большая часть учебника посвящена «народно-освободительному движению горцев в Чечне в 1817–1859 гг.». На страницах учебника представлена не только последовательность событий военного времени, там дан анализ значения и последствий этих событий с точки зрения чеченского общества. Описывается также роль чеченских политических и военных деятелей в Кавказской войне. Насколько я знаю от своих чеченских собеседников, сейчас к изданию готовится новый учебник чеченской истории. К нему предъявляются новые требования, и каким будет его содержание, пока можно только догадываться.

Память

Исследования чеченской истории и памяти (Campana 2006; Piyasov 2018) показывают, что значительное место в ней отведено представлению о конфликте с российским государством, который в разные периоды истории принимал разные формы. И эта память несет в себе как травматический, так и героический компонент. В большом нарративе о постоянной борьбе чеченцев начало конфликта связано с продвижением имперской армии на Северный Кавказ в 1780-х гг. и сопротивлением чеченцев под предводительством шейха Мансура. Даже когда люди в Чечне не имеют точных знаний об истории жизни чеченского лидера и том историческом периоде в целом, они оказываются осведомлены о его роли в национальной истории и смерти в Шлиссельбургской крепости. Также чеченцы сохраняют память и о Кавказской войне и роли в ней уже упомянутых мною чеченских героев. Самым растиражированным событием является трагедия аула Дади-Юрт (Piyasov. Рукопись). В широко распространенном чеченском повествовании об этом эпизоде память о защитниках представлена как в трагических, так и в героических тонах, особенно ярко героизация проявляется в нарративе о группе девушек, которые предпочли смерть плену. Однако в целом людям сложно восстановить ход событий Кавказской войны, назвать какие-то конкретные даты и т.д.

Во-первых, это далеко. Во-вторых, хорошо знает эту тему узкий круг, может быть, интересующиеся и историки, который занимается целенаправленно этой темой. В начале 90-х, когда происходили вот эти события у нас, стали политизировать события Кавказской войны. Обращались... Даже клуб «Кавказ» интеллектуальный создан. Да, мы с ними контактировали. Контактывали с теми, кто еще остался. Вот эти острые темы поднимались. Про эту борьбу. Как раз Ельцин заявил, берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить и так далее. И вот, что мы всегда боролись за свободу. И вот эти коллективные травмы, в том числе и выселение, депортация, Кавказская война, они стали более-менее актуализироваться. Ну а потом, все это со временем, от памяти... Опять же, это не вчерашние события. Сейчас это как память о событиях Отечественной войны 1812 года. Ну, знают и знают. Так, чтобы это все будоражило... отошло уже со временем. Время много чего сглаживает, много чего забывается и так далее.

Долгое время в чеченской коллективной памяти несколько периодов истории увязывалось в целостную картину сложного и конфликтного взаимодействия с государственной властью. На протяжении нескольких лет исследования памяти в Чечне я постоянно сталкиваюсь с нарративом о 350–400 годах чеченского сопротивления и борьбы.

У них есть четко вот начало, вот конец. У нас это продолжается с тех пор. У нас как один конфликт это получилось с какими-то перерывами, паузы какие-то, потом опять пауза, опять. То есть как бы у нас это не заканчивалось. Даже если взять историю официально, когда 25 августа 1859 года Шамиль в Гунибе

сдался, любят власти, чтобы здесь официально закрыли войну. На самом деле в 1860-м, в 1861-м, еще 2–3 года чеченцы продолжали сопротивление. После этого прошло в 1865 году восстание Мирзаева, потом 1877–1878 годы восстание Алибека Хаджи Алдамова, потом это абреческое движение, потом чуть ли опять война в 1911 году, высылка всех шейхов из Чечни. То есть подозревали, что опять что-то недоброе чечены злые затеяли. Может быть не беспочвенно. Потом 17-й год, 18-й, 19-й, 20-й, Деникин прошелся огнем и мечом.

Этот нарратив о последовательном многолетнем сопротивлении чаще всего имел типичные признаки травматической памяти и был связан с коллективной виктимностью. Прошлое в этом случае является не только способом объяснения и осмысления настоящего, но и оказывается включенным в процесс моделирования возможного будущего.

Я долго над многим думаю, и я говорю, вот у нас говорят, мы скорые на что-то, то есть быстрые, скорые, там, разобраться с чем-то, что-то сделать, вот нам это касается всего. Быстро закончить учебу, быстро найти работу, устроиться, быстро построить дом, жениться поскорее, вот все нужно, вот поскорее все сделать. А в чем причина, почему? ...Да потому, что у нас на подсознательном уровне сидит, завтра неизвестно, что будет. Я говорю, вы сегодня уверены, что через энное количество времени опять у нас чего-то здесь не будет? Ни один человек не сказал, да, я уверен, что ничего не будет. Ни у кого нет уверенности, что у нас здесь опять чего-то не будет. И вот эта неуверенность, она сидит на подсознательном уровне, она сидит в людях, они не осознают даже, почему они так поступают, нету даже времени задуматься об этом. Нужно быстро сделать, там, детей устроить, самому что-то, потому что неизвестно завтра, что будет, нужно вот сегодня что-то делать. И вот это одна из, наверное, особенностей наших поведенческих, там, ментальных, да, на уровне менталитета, где-то вот каких-то особенностей.

В последнее время память о Кавказской войне, хранимая людьми в Чечне, постепенно трансформируется. Конечно, на это влияет и политика памяти, проводимая чеченскими властями. Но есть и другой важный фактор – тотальная усталость чеченского общества от войны. Осмысление Кавказской войны как части системного процесса подавления чеченского общества российским государством приносит людям чувство фрустрации и безысходности. Часть моих собеседников, чаще представители более молодого поколения, говорили мне, что бесконечная актуализация травматической памяти – это путь в никуда. Те же, кто был непосредственным свидетелем войн в Чечне, порой боятся, что эта актуализация может стать основанием для новых конфликтов.

А у нас сейчас другая концепция. Мы ищем точки соприкосновения. Мирной жизни, взаимовлияния... Мы так от этого устали, что мы хотим пусть про это время, но о другом. Как вы сказали. У нас даже в начале нулевых, когда мы еще после синдрома войны выживали, интерес к этой теме был именно с точки зрения конфликта. А сейчас, когда успокоились, хотим видеть другое... И все же воевали. И когда Ельцин заявлял, что 400 лет противостояния, войн с Кавказом, с Чечней.

Ну а когда ж тогда жили? Когда что-то строили? Не было постоянно одних кровавых битв. Где-то там произошло, где-то Ведено взяли. Где-то в Ханкале. Такие локальные стычки... Уже люди устали. Тем более сейчас события на Украине, то, что там происходит. Старшему поколению, мне, по крайней мере, эти развалины нас напоминают. В интернете этих картин полно. Поэтому не хочется муссировать тему войны. Может, блок стоит у людей. Защитная реакция. Хочется более позитивного. В истории можно всякое найти. История богатая, история чеченского народа богатая. Противостояние было, и дружба была. И поэтому хочется искать мирные страницы. Перелистывать, а не трагически мусолить. И искать какие-то моменты, которыми можно разбить вражду. Где-то можно найти почву и для конфронтации. Но это старая тема, мы это уже проходили.

Среди моих собеседников были и чеченские историки, которые активно ведут исследовательскую работу в разных районах и населенных пунктах Чечни. В поле их интересов попадает и Кавказская война. Они обратили мое внимание на семейную память чеченцев. В Чечне есть семьи, которые хранят и передают из поколения в поколение артефакты времен Кавказской войны или, по крайней мере, семейная история относит их к тем временам. Вокруг этих артефактов строятся нарративы об участии членов семьи в Кавказской войне, их встречах с известными историческими личностями. Эти нарративы могут не только не соответствовать академическому историческому знанию о том периоде, но и прямо противоречить ему. Однако это не мешает людям бережно хранить семейную память и передавать ее своим детям.

Музеи и локальные историки – медиаторы памяти

Когда я только начала исследовать память о Кавказской войне в Чечне, я пыталась прощупать почву и понять, с чего лучше начать погружение в эту тему. Тогда на вопросы о Кавказской войне мне порой отвечали: «Это Вам нужно в главный музей или библиотеку. Слишком давно было». Конечно, я приехала собирать материал и в Национальную чеченскую библиотеку, и в Музей Чеченской республики в Грозном. Библиотека оказалась лишь хранилищем книг о Кавказской войне, но не местом репрезентации памяти о ней. И хотя в ней проводятся лекции, семинары и выставки, по словам работников библиотеки, в ней уже давно не проводилось ничего, что было бы посвящено Кавказской войне. Все публичные мероприятия, связанные с памятью, посвящены в основном двум темам: память об Ахмате Кадырове и память о Великой Отечественной войне.

Музей представляет собой важнейшее пространство памяти. Это не просто место хранения культурных и исторических реликвий, в музее происходит объективация культуры, там она превращается в упорядоченную целостность и принимает форму, позволяющую ей репрезенти-

ровать себя: «Все музеи – это сцены, а артефакты – это просто выступающие там актеры. Они должны своевременно уйти или выйти, причем каждый артефакт в свою очередь играет много разных ролей» (Каерpler 1996: 20). Вместе с другими социальными институтами музей играет важную роль в вопросе формирования идентичностей. Музейные экспозиции наглядно проводят границы между «своими» и «чужими», делают видимыми и осязаемыми значения «быть кем-то». Исследователи говорят о музее как о «совокупности социальных событий, в которых мы проигрываем нашу жизнь и придаем форму нашим идентичностям» (Кагг, Кремер 1992: 4).

В процессах, образующих собой жизнь музея, оказываются задействованы создатели или дарители артефактов, посетители и, конечно, сами музейные специалисты: «Они дают (артефактам. – *В.Т.*) те или иные интерпретации, представляют их в тех или иных сочетаниях и размещают в том или ином локусе музея, при этом привлекая внимание к одним и затеняя или даже скрывая другие» (Шнирельман 2010: 5). Куратор одного из крупных российских музеев сказала мне во время нашей беседы, что перед работниками музея стоят задачи, которые порой трудно совместить: экспозиции музея не должны вступать в очевидное и непримиримое противоречие с правительственной политикой памяти, музей должен приносить какую-то прибыль, он должен быть привлекательным для посетителей и соответствовать их позитивным ожиданиям. В этом смысле музей обладает некоторой долей автономности, которая и позволяет ему принимать решения, помогающие в большей или меньшей степени решать указанные задачи.

В данный момент музей Чеченской республики в Грозном находится на реконструкции, которая должна закончиться в этом году. Работники музея ожидают, что на его открытии после реставрации будет презентована картина Франца Рубо «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля», которая была эвакуирована во время Первой чеченской войны и находится на реставрации. Это не единственный объект, который связан с темой Кавказской войны. Планируется, что она будет в достаточной степени представлена в экспозиции музея, однако неясно, какими смыслами и интерпретациями будет наполнено это представление.

До закрытия на реставрацию музей также часто и охотно обращался к Кавказской войне. В нем проходили открытые уроки, посвященные этой теме, лекции, семинары, отдельные выставки, приуроченные к юбилейным датам и т.п. Специалисты чеченского музея вкладывали много сил в то, чтобы выставленные в залах артефакты и их подача находили отклик у посетителей, которые не всегда придерживались именно тех представлений о Кавказской войне, которые стремилась сформировать политика памяти чеченских властей. В этой деятельности музейным спе-

циалистам помогают местные чеченские историки, которые сделали довольно много для популяризации Кавказской войны и ее героев, особенно среди детей и молодежи. Зачастую именно историки помещают музейные объекты в рамки целостных повествований во время своих лекций в залах музея. Так, например, чеченский историк Амин Тесаев, посвятивший много времени исследованию исторической личности Бейбулата Таймиева, способствовал заметному росту популярности этого чеченского героя.

Местные же историки работают с частными архивами, в которых хранятся документы и артефакты времен Кавказской войны и вокруг которых формируется история некоторых чеченских семей. Местное происхождение этих специалистов заставляет чеченцев доверять им больше, чем другим исследователям.

Очень трудно работать, потому что люди до сих пор со стереотипами, до сих пор боятся, объективно боятся, потому что всегда, даже в советский период, были деятели, вроде бы связанные с научной деятельностью, но так или иначе они были связаны с органами. Тогда это было нормальное явление. И в итоге у людей конфисковывали семейные реликвии. Люди до сих пор боятся. Сложно работать. Я не исключаю, что у людей еще что-то есть, но об этом сложно узнать.

Множество артефактов и документов Кавказской войны хранятся в Дагестане. Некоторые из них были вывезены туда из Чечни во время Первой и Второй чеченской войны. Сейчас чеченские историки пытаются способствовать если не возвращению их в музеи Чечни, то, по крайней мере, тому, чтобы они хотя бы на время оказывались в выставочных пространствах республики.

* * *

Память крайне динамична и подвержена значительному влиянию меняющихся обстоятельств. Она злободневна и дает о себе знать в социальном дискурсе. Значение исторического нарратива выходит далеко за рамки профессионального поля. Ведь этот нарратив нередко играет большую социальную или политическую роль (Шнирельман 2021). Это свойство памяти – нахождение в прямой зависимости от текущего социального, политического, культурного контекста – является крайне важным для моего исследования. Именно на основании анализа текущего политического контекста будет строиться мое объяснение того, почему память о Кавказской войне принимает в Чечне существующие формы.

Исторический контекст в случае с Чечней таков, что он позволил сформироваться в поле чеченский памяти целостному представлению о сложной судьбе целого народа, который постоянно подвергался притес-

нениям со стороны государства и с большим трудом находил в нем достойное место. Такому представлению способствовала и память о депортации чеченцев в 1944 г., и жестко цензурируемая память о двух чеченских войнах.

Если же говорить о современности, то сейчас важнейшую роль в трансформациях памяти о Кавказской войне играет политический контекст в Чеченской республике. Именно он задает рамки памяти и допускает только определенные формы ее существования и выражения. Исследователи и аналитики по-разному определяют режим власти в современной Чечне, хотя при ближайшем рассмотрении между разными версиями можно найти много общего. Рассел (Russel 2014) в своей статье «Нелиберальный мир Рамзана Кадырова в Чечне» сравнивает Чечню с Северной Ирландией, Эмиратами, Курдистаном и Африкой (точнее, с четырьмя ее постконфликтными территориями – Анголой, Эфиопией, Руандой и Суданом). Он утверждает, что в Чечне население движется в сторону улучшения материального благосостояния и видимой стабильности, но дела с гражданскими свободами и правами обстоят хуже. Существует некоторое несоответствие между большой долей суверенной власти Кадырова и официальной политикой Российской Федерации, которая заявляет о себе как о суверенной демократии. В Чечне сформировалось то, что Рассел называет «полуавторитарным» режимом правления. Он выделяет некоторые особенности режима, утверждая, что, во-первых, Рамзану Кадырову удалось установить мир в Чечне, во-вторых, нелиберальный мир лучше войны, в-третьих, то, что удалось создать Кадырову, оказалось более прочным и стабильным, чем «либеральные демократии», которые были созданы и создаются с помощью западных интервенций в Афганистане, Ираке или Сирии. Рассел называет это вариантом гибридного мира. Однако он задается вопросом, можно ли назвать чеченское общество мирным и, в полном смысле, свободным? И отвечает на этот вопрос следующим образом: «Да. Там нет войны. Нет. Там присутствуют очевидные признаки давления на гражданское население, которое касается в том числе и пространства памяти» (Russel 2014).

Другой подход заключается в определении режима власти в Чечне как неосултанистского. Такие режимы обычно характеризуются крайним патримониализмом – центральная роль в государстве принадлежит «султану» и его семье, высокой степенью контроля над значительной частью бюджета и бизнеса, отсутствием определенной идеологии, которая заменяется культом личности, подавлением политического и культурного плюрализма, неспособностью к мирным политическим изменениям и т.д. (Eke and Kuzio 2020). В случае с Чечней к этому списку некоторые исследователи также добавляют традиционализм и исламизацию общества (Druey 2015). Дерлугьян (2010) утверждает, что такие режимы не следует рассматривать как чисто переходные. Это не просто неудачи или

неизбежные промежуточные этапы на историческом пути восхождения к чему-то лучшему и, согласно теории демократического перехода, более «западному». Напротив, этот «восточный» тип власти возникает как отдельная система, создавая необходимые ниши для сети политического патронажа и управления периферией (Дерлугьян 2010).

Лерюэль (2017) предлагает термин «кадыровизм» и акцентирует внимание на создании культа Кадырова, но в рамках фактического подчинения главы Чеченской Республики президенту России. По мнению Лерюэль, «кадыровизм» – это относительно целостная система, имеющая свою внутреннюю логику и пропагандистские инструменты и отражающая реальность правления Рамзана Кадырова. Кадыровизм определяется двумя основными чертами: во-первых, антиколониальным чеченским нарративом и его последующей трансформацией в российскую патриотическую идеологию. Во-вторых, жесткой, пуританской версией ислама, вдохновленной Персидским заливом, и ее пересечением с традиционным чеченским исламом (Laruelle 2017).

Как бы ни называли текущую политическую ситуацию в Чечне, как бы ни описывали режим и идеологию разные исследователи, все они характеризуют форму власти, требующую легитимации и проявления лояльности федеральному центру, выражаемой в том числе и в формировании «допустимого прошлого». В результате двух войн и политики «чеченизации» в обществе возникли глубокие расколы по линии памяти. Поэтому после 2000 г. стало очевидно, что власти Грозного должны преодолеть эти «мнемонические расколы» с помощью сильной, единой официальной политики памяти. Федеральные и местные власти неоднократно предпринимали попытки убрать из мемориального пространства спорные темы, не вписывающиеся в государственную политику, направленную на консолидацию общества. Совершенно избавиться от памяти без отложенных последствий невозможно, но можно придать этой памяти «нужные» смыслы. Начав с принудительного внедрения этих смыслов с помощью тщательно контролируемой политики памяти, республиканские власти создали почву для дальнейшего, относительно безболезненного принятия трансформаций памяти чеченским обществом. Хотя убежденность в том, что есть вещи, которые лучше не говорить о прошлом собственного народа, присутствует до сих пор:

Поэтому адыги будут рассказывать, осетины будут, ингуши будут. Потому что, помимо всего, у нас здесь для здоровья небезопасно быть болтливым. Там, знаете, с адыгами-то проще в том смысле, там 21 мая² достаточно приехать, все становится понятно. Очень много каких-то символических элементов, которые на виду и на слуху. И больше, конечно, не у людей что-то узнаешь, потому что они не всегда вообще рефлексируют по этому поводу, а больше просто видишь и слышишь. Но у нас не так. У нас и не скажут, и не увидишь, и не услышишь.

Форма власти в Чечне, особенности существования республики как субъекта Российской Федерации и сложная история взаимодействия чеченского народа с Российским государством обуславливают текущую чеченскую политику памяти. Эта политика почти всегда реализуется самим правительством, что также является следствием характера функционирования этого правительства внутри общей системы российской власти. Однако какую бы форму памяти не продвигало правительство, она не будет по-настоящему принята обществом, если нет предпосылок внутри самого этого общества. Пока люди не примут предлагаемые смыслы и не начнут передавать их друг другу, нельзя говорить о том, что политика памяти достигла успеха. В Чечне одной из главных предпосылок принятия инициированных властью трансформаций памяти о Кавказской войне стало желание какой-то части общества выйти за рамки дискурса виктимности и бесконечной борьбы. Особую роль играет в этом свежая память о двух войнах в Чечне. Логика травматической памяти предполагает четкое распределение роли «жертвы» и роли «палача». Чеченцы, беседы с которыми легли в основу этой работы, предполагают, что пришла пора расстаться с ролью жертвы. А на роль палачей они и вовсе никогда не претендовали.

Примечания

¹ Полевые исследования проводились в Чечне (Грозный, Ведено, Шали, Урус-Мартан) в 2019, 2021 и 2023 гг.

² День памяти жертв Кавказской войны, ежегодно отмечаемый в некоторых кавказских республиках.

Список источников

- Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.
- Васильев А.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5.
- Волкан В., Оболонский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 31–48.
- Дерлугьян Г.* Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе: авторизованный перевод с английского. М.: Территория будущего, 2010.
- Исаева А.* Герои Чечни: кто они? // Это Кавказ. 2020. 9 декабря. URL: <https://etokavkaz.ru/istoriya/geroi-chechni-kto-oni> (дата обращения: 28.01.2024).
- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Коц А.* Кадыров открыл памятник первым «шахидкам» // Комсомольская правда. 2013. 16 сентября. URL: <https://www.kp.ru/daily/26133.5/3024328/> (дата обращения: 28.01.2024).
- Мороз О., Суверина Е.* Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1.
- Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Франция-память / пер. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

- Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И. Ибрагимова РАН. 2-е изд., стереотип. М.: Наука, 2023.
- Шнирельман В.А. Историко-этнографический музей: презентация традиции или репрезентация конструкции? // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 3–8.
- Шнирельман В.А. Интеллектуальные дебаты постсоветского времени вокруг истории и культуры народов Северного Кавказа // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2021.
- Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. (eds.) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 2004.
- Assmann A., Clift S. *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*, First edition. New York: Fordham University Press, 2016.
- Bar-Tal D., Oren N., Nets-Zehngut R. Sociopsychological Analysis of Conflict-Supporting Narratives: A General Framework // *Journal of Peace Research*. 2014. Vol. 51, No. (5). P. 662–675.
- Campana A. The effects of war on the Chechen national identity construction // *National Identities*. 2006. No. 8 (2). P. 129–148.
- Druey C. Stability without Peace in Chechnya // *Politorbis*. 2015. No. 60 (2).
- Druey C., Shogenov M., Tanaylova V. *Fighting for Self-Determination, Participation and Control: Statebuilding and the Role of Historical Memories in Chechnya (1986–2023)*. Peter Lang Publishing, 2024.
- Edkins J. *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Eke S.M., Kuzio T. Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, No. 3. P. 530–532.
- Hirschberger G. Collective Trauma and the Social Construction of Meaning // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9 (August), No. 1441. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01441
- Iliysov M. Chechen ethnic identity: assessing the shift from resistance to submission // *Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 54 (3). P. 475–493.
- Iliysov M. The clash of collective memories in post-war Chechnya (manuscript).
- Karp I., Kreamer C.M., Levine S. *Museums and communities: the politics of public culture*. Washington: Smithsonian Institution Press, 1992.
- Kaeppler A.L. Paradise regained: the role of Pacific museums in forging national identity // Kaplan F.E.S. (ed.) *Museums and the making of “ourselves”*. The role of objects in national identity. L.: Leicester Univ. Press, 1996. P. 19–44.
- Laruelle M. Kadyrovism: Hardline Islam as a Tool of the Kremlin? // *Russic. Nei. Visions, Ifri*. 2017. No. 99.
- Mitchell K. Monuments, memorials, and the politics of memory // *Urban Geography*. 2003. No. 24 (5). P. 442–459.
- Muller W. *Memory and power in post-war Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Russel J. Ramzan Kadyrov’s ‘illiberal’ peace in Chechnya // *Chechnya at war and beyond* / ed. by Anne Le Huérou, Aude Merlin, Amandine Regamey, Elisabeth Sieca-Kozłowski. Routledge, 2014. P. 133–151.
- Volkan V. Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity // *Group Analysis*. 2001. No. 34 (1). P. 79–97.

References

- Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. (eds.) (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press, Berkeley, Calif.
- Assmann A., Clift S. (2016) *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. First edition. Fordham University Press, New York.

- Bar-Tal D., Oren N., Nets-Zehngut R. (2014) Sociopsychological Analysis of Conflict-Supporting Narratives: A General Framework, *Journal of Peace Research*, Vol. 51, No. (5), pp. 662–675.
- Bliев M.M., Degoeв V.V. (1994) *Kavkazskaia voina* [The Caucasian War]. Moscow.
- Campana A. (2006) The effects of war on the Chechen national identity construction, *National Identities*, No. 8(2), pp. 129–148.
- Chechentsy [Chechens] / executive editors L.T. Solov'eva, V.A. Tishkov, Z.I. Khasbulatova; Institute of Ethnology and Anthropology n.a. N.N. Mikloukho-Maklaia RAS; Comprehensive Research Institute n.a. H.I. Ibragimov RAS. 2nd edition. Moscow: Nauka, 2023.
- Derluguian G. (2010) *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mikrosistemnoi perspektive: avtorizovannyi perevod s angliiskogo* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography: authorized translation from English]. Moscow: Territoria budushchego.
- Druey C. (2015) Stability without Peace in Chechnya, *Politorbis*, No. 60 (2).
- Druey C., Shogenov M., Tanaylova V. (2024) *Fighting for Self-Determination, Participation and Control: Statebuilding and the Role of Historical Memories in Chechnya (1986–2023)*. Peter Lang Publishing.
- Edkins J. (2003) *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eke S.M., Kuzio T. (2000) Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus, *Europe-Asia Studies*, Vol. 52, No. 3, pp. 530–532.
- Hirschberger G. (2018) Collective Trauma and the Social Construction of Meaning, *Frontiers in Psychology*, Vol. 9 (August), 1441. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01441
- Iliyasoв M. (2018) Chechen ethnic identity: assessing the shift from resistance to submission, *Middle Eastern Studies*, Vol. 54(3), pp. 475–493.
- Iliyasoв M. *The clash of collective memories in post-war Chechnya* (manuscript)
- Isaeva A. (2020) Geroi Chechni: kto oni? [Heroes of Chechnya: who are they?], *Eto Kavkaz*. 9 December. Available at: <https://etokavkaz.ru/istoriya/geroi-chechni-kto-oni> (Accessed 28 January 2024)
- Kaeppler A.L. (1996) Paradise regained: the role of Pacific museums in forging national identity. In: Kaplan F.E.S. (ed.) *Museums and the making of "ourselves". The role of objects in national identity*. L.: Leicester Univ. Press, pp. 19–44.
- Karp I., Kreamer C.M., Levine S. (1992) *Museums and communities: the politics of public culture*. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Koposov N. (2011) *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [High Security Memory: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kots A. (2013) Kadyrov otkryl pamiatnik pervym «shakhidkam» [Kadyrov unveiled a monument to the first 'female suicide bombers'], *Komsomol'skaia pravda*. 16 September. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26133.5/3024328/> (Accessed 28 January 2024)
- Laruelle M. (2017) Kadyrovism: Hardline Islam as a Tool of the Kremlin? *Russie. Nei. Visions*, Ifri. No. 99.
- Mitchell K. (2003) Monuments, memorials, and the politics of memory, *Urban Geography*, No. 24(5), pp. 442–459.
- Moroz O., Suverina E. (2014) Trauma studies: Istoriia, reprezentatsiia, svidetel' [Trauma studies: History, representation, witness], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1.
- Muller W. (2002) *Memory and power in post-war Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Nora P., Ozuf M., Piuimezh Zh. de, Vinok M. (1999) *Frantsiia-pamiat'* [France-memory] / Translation by D. Khapaeva. St. Petersburg.
- Russel J. (2014) Ramzan Kadyrov's 'illiberal' peace in Chechnya. In: *Chechnya at war and beyond* / Ed. by Anne Le Huérou, Aude Merlin, Amandine Regamey, Elisabeth Sieca-Kozłowski. Routledge, pp. 133–151.

- Shnirelman V.A. (2010) Istoriko-etnograficheskie muzei: prezentatsiia traditsii ili reprezentatsiia konstruktsii? [Introduction To a Discussion: Historical-Ethnographic Museum: Presenting A Tradition or Representing a Construct?], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 3–8.
- Shnirelman V.A. (2021) Intellektual'nye debaty postsovetskogo vremeni vokrug istorii i kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [Intellectual debates of the post-Soviet era on the history and culture of the peoples of the North Caucasus]. In: *Istoricheskaiia i etnokul'turnaia tematika v uchebnom, nauchnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse Severnogo Kavkaza* [Historical and ethnocultural topics in educational, scientific and socio-political discourse of the North Caucasus] / Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: IEA RAN.
- Vasil'ev A. (2012) Memory studies: edinstvo paradigm — mnogoobrazie ob'ektov (Obzor angloiazychnykh knig po istorii pamiati) [Memory studies: unity of paradigm – diversity of objects (Review of English-language books on the history of memory)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5.
- Volkan V. (2001) Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity, *Group Analysis*, No. 34 (1), pp. 79–97.
- Volkan V., Obolonskii A. (1992) Natsional'nye problemy glazami psikhoanalitika s politologicheskim kommentariem [National problems through the eyes of a psychoanalyst with political commentary], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 31–48.

Сведения об авторе:

ТАНАЙЛОВА Валентина Александровна – стажер-исследователь Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: valya00763@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valentina A. Tanaylova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: valya00763@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 20 декабря 2023 г.;
принята к публикации 15 марта 2024 г.*

*The article was submitted 20.12.2023;
accepted for publication 15.03.2024.*